

- О, любовь моя, теперь я знаю всю твою волю; я знаю, что она будет; но как же она будет? Как тогда будут жить люди?

- Я одна не могу рассказать тебе этого, для этого мне нужна помощь моей старшей сестры, - той, которая давно являлась тебе. Она моя владычица и слуга моя. Я могу быть только тем, чем она делает меня; но она работает для меня. Сестра, приди на помощь.

Является сестра своих сестер, невеста своих женихов.

- Здравствуй, сестра, - говорит она царице, - здесь и ты, сестра? - говорит она Вере Павловне, - ты хочешь видеть, как будут жить люди, когда царица, моя воспитанница, будет царствовать над всеми? Смотри.

Здание, громадное, громадное здание, каких теперь лишь по нескольку в самых больших столицах, - или нет, теперь ни одного такого! Оно стоит среди нив и лугов, садов и рощ. Нивы - это наши хлеба, только не такие, как у нас, а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? Кто ж видел такие колосья? Кто ж видел такие зерна? Только в оранжерее можно бы теперь вырастить такие колосья с такими зернами. Поля, это наши поля; но такие цветы теперь только в цветниках у нас. Сады, лимонные и апельсиновые деревья, персики и абрикосы, - как же они растут на открытом воздухе? О, да это колонны вокруг них, это они открыты на лето; да, это оранжереи, раскрывающиеся на лето. Рощи - это наши рощи: дуб и липа, клен и вяз, - да, рощи те же, как теперь; за ними очень заботливый уход, нет в них ни одного больного дерева, но рощи те же, - только они и остались те же, как теперь. Но это здание, - что ж это, какой оно архитектуры? Теперь нет такой; нет, уж есть один намек на нее, - дворец, который стоит на Сейденгамском холме<sup>1</sup>: чугун и стекло, чугун и стекло - только. Нет, не только: это лишь оболочка здания, это его наружные стены; а там, внутри, уж настоящий дом, громаднейший дом: он покрыт этим чугунно-хрустальным зданием, как футляром; оно образует вокруг него широкие галереи по всем этажам. Какая легкая архитектура этого внутреннего дома, какие маленькие простенки между окнами, - а окна огромные, широкие, во всю высоту этажей! Его каменные стены - будто ряд пилястров, составляющих раму для окон, которые выходят на галерею. Но какие это полы и потолки? Из чего эти двери и рамы окон? Что это такое? серебро? платина? Да и мебель почти вся такая же, - мебель из дерева тут лишь каприз, она только для разнообразия, но из чего ж вся остальная мебель, потолки и полы? "Попробуй подвинуть это кресло", - говорит старшая царица. Эта металлическая мебель легче нашей ореховой. Но что ж это за металл? Ах, знаю теперь, Саша показывал мне такую дощечку, она была легка, как стекло, и теперь уж есть такие серьги, брошки, да, Саша говорил, что, рано или поздно, алюминий заменит собою дерево, может быть, и камень. Но как же все это богато! Везде алюминий и алюминий, и все промежутки окон одеты огромными зеркалами. И какие ковры на полу! Вот в этом зале половина пола открыта, тут и видно, что он из алюминия. "Ты видишь, тут он матовый, чтобы не был слишком скользок, - тут играют дети, а вместе с ними и большие; вот и в этом зале пол тоже без ковров, - для танцев". И повсюду южные деревья и цветы; весь дом - громадный зимний сад.

---

<sup>1</sup> ..дворец, который стоит на Сейденгамском холме... - К Всемирной выставке 1851 г. в Гайд-Парке в Лондоне по проекту архитектора Джозефа Пакстона был выстроен так называемый Хрустальный (или Кристальный) дворец (Crystal Palace) - огромное сооружение из стекла и железа без кирпича и дерева - одно из значительных достижений строительной техники того времени.

Но кто же живет в этом доме, который великолепнее дворцов? "Здесь живет много, очень много; иди, мы увидим их". Они идут на балкон, выступающий из верхнего этажа галлерей. Как же Вера Павловна не заметила прежде? "По этим нивам рассеяны группы людей; везде мужчины и женщины, старики, молодые и дети вместе. Но больше молодых; стариков мало, старух еще меньше, детей больше, чем стариков, но все-таки не очень много. Больше половицы детей осталось дома заниматься хозяйством: они делают почти все по хозяйству, они очень любят это; с ними несколько старух. А стариков и старух очень мало потому, что здесь очень поздно становятся ими, здесь здоровая и спокойная жизнь; она сохраняет свежесть". Группы, работающие на нивах, почти все поют; но какой работой они заняты? Ах, это они убирают хлеб. Как быстро идет у них работа! Но еще бы не идти ей быстро, и еще бы не петь им! Почти все делают за них машины, - и жнут, и вяжут снопы, и отвозят их, - люди почти только ходят, ездят, управляют машинами. И как они удобно устроили себе; день зноен, но им, конечно, ничего: над тою частью нивы, где они работают, раскинут огромный полог: как подвигается работа, подвигается и он, - как они устроили себе прохладу! Еще бы им не быстро и не весело работать, еще бы им не петь! Этак и я стала бы жать! И все песни, все песни, - незнакомые, новые; а вот припомнили и нашу; знаю ее:

Будем жить с тобой по-пански;  
Эти люди нам друзья, -  
Что душе твоей угодно,  
Все добуду с ними я...<sup>2</sup>

Но вот работа кончена, все идут к зданию. "Войдем опять в зал, посмотрим, как они будут обедать", - говорит старшая сестра. Они входят в самый большой из огромных зал. Половина его занята столами, - столы уж накрыты, - сколько их! Сколько же тут будет обедающих? Да человек тысяча или больше: "здесь не все; кому угодно, обедают особо, у себя"; те старухи, старики, дети, которые не выходили в поле, приготовили все это: "готовить кушанье, заниматься хозяйством, прибирать в комнатах, - это слишком легкая работа для других рук, - говорит старшая сестра, - ею следует заниматься тем, кто еще не может или уже не может делать ничего другого". Великолепная сервировка. Все алюминий и хрусталь; по средней полосе широких столов расставлены вазы с цветами, блюда уж на столе, вошли работающие, все садятся за обед, и они, и готовившие обед. "А кто ж будет прислуживать?" - "Когда? во время стола? зачем? Ведь всего пять шесть блюд: те, которые должны быть горячие, поставлены на таких местах, что не остынут; видишь, в углублениях, - это ящики с кипятком, - говорит старшая сестра. - "Ты хорошо живешь, ты любишь хороший стол, часто у тебя бывает такой обед?" - "Несколько раз в год". У них это обыкновенный: кому угодно, тот имеет лучше, какой угодно, но тогда особый расчет; а кто не требует себе особенного против того, что делается для всех, с тем нет никакого расчета. И все так: то, что могут по средствам своей компании все, за то нет расчетов; за каждую особую вещь или прихоть - расчет".

- Неужели ж это мы? неужели это наша земля? Я слышала нашу песню, они говорят по-русски. - "Да, ты видишь недалеке реку, - это Ока; эти люди мы, ведь с тобою я, русская!" - "И ты все это сделала?" - "Это все сделано для меня, и я одушевляла делать это, я одушевляю совершенствовать это, но делает это вот она, моя старшая сестра, она работница, а я только наслаждаюсь". - "И все так будет жить?" - "Все, - говорит старшая сестра, - для всех вечная весна и лето, вечная радость. Но мы показали тебе только конец моей половины дня, работы, и начало ее половины; - мы еще посмотрим на них вечером, через два месяца".

---

<sup>2</sup> Цитата из стихотворения Кольцова "Бегство"

Цветы завяли; листья начинают падать с деревьев; картина становится уныла. "Видишь, на это скучно было бы смотреть, тут было бы скучно жить, - говорит младшая сестра, - я так не хочу". - "Залы пусты, на полях и в садах тоже нет никого, - говорит старшая сестра, - я это устроила по воле своей сестры царицы". - "Неужели дворец в самом деле опустел?" - "Да, ведь здесь холодно и сыро, зачем же быть здесь? Здесь из 2 000 человек осталось теперь десять - двадцать человек оригиналов, которым на этот раз показалось приятным разнообразием остаться здесь, в глуши, в уединении, посмотреть на северную осень. Через несколько времени, зимою, здесь будут беспрестанные смены, будут приезжать маленькими партиями любители зимних прогулок, провести здесь несколько дней по-зимнему".

- Но где ж они теперь? - "Да везде, где тепло и хорошо, - говорит старшая сестра: - на лето, когда здесь много работы и хорошо, приезжает сюда множество всяких гостей с юга; мы были в доме, где вся компания из одних вас; но множество домов построено для гостей, в других и разноплеменные гости и хозяева поселяются вместе, кому как нравится, такую компанию и выбирает. Но принимая летом множество гостей, помощников в работе, вы сами на 7-8 плохих месяцев вашего года уезжаете на юг, - кому куда приятнее. Но есть у вас на юге и особая сторона, куда уезжает главная масса ваша. Эта сторона так и называется Новая Россия". - "Это где Одесса и Херсон?" - "Это в твоё время, а теперь, смотри, вот где Новая Россия".

Горы, одетые садами; между гор узкие долины, широкие равнины. "Эти горы были прежде голые скалы, - говорит старшая сестра. - Теперь они покрыты толстым слоем земли, и на них среди садов растут роши самых высоких деревьев: внизу во влажных ложбинах плантации кофейного дерева; выше финиковые пальмы, смоковницы; виноградники перемешаны с плантациями сахарного тростника; на нивах есть и пшеница, но больше рис". - "Что ж это за земля?" - "Поднимемся на минуту повыше, ты увидишь ее границы". На далеком северо-востоке две реки, которые сливаются вместе прямо на востоке от того места, с которого смотрит Вера Павловна; дальше к югу, все в том же юго-восточном направлении, длинный и широкий залив; на юге далеко идет земля, расширяясь все больше к югу между этим заливом и длинным узким заливом, составляющим ее западную границу. Между западным узким заливом и морем, которое очень далеко на северо-западе, узкий перешеек. "Но мы в центре пустыни?" - говорит изумленная Вера Павловна. "Да, в центре бывшей пустыни; а теперь, как видишь, все пространство с севера, от той большой реки на северо-востоке, уже обращено в благодатнейшую землю, в землю такую же, какою была когда-то и опять стала теперь та полоса по морю на север от нее, про которую говорилось в старину, что она "кипит молоком и медом"<sup>3</sup>. Мы не очень далеко, ты видишь, от южной границы возделанного пространства, горная часть полуострова еще остается песчаною, бесплодною степью, какою был в твоё время весь полуостров; с каждым годом люди, вы русские, все дальше отодвигаете границу пустыни на юг. Другие работают в других странах: всем и много места, и довольно работы, и просторно, и обильно. Да, от большой северо-восточной реки все пространство на юг до половины полуострова зеленеет и цветет, по всему пространству стоят, как на севере, громадные здания в трех, в четырех верстах друг от друга, будто бесчисленные громадные шахматы на исполинской шахматнице. "Спустимся к одному из них", - говорит старшая сестра.

Такой же хрустальный громадный дом, но колонны его белые. "Они потому из алюминия, - говорит старшая сестра, - что здесь ведь очень тепло, белое меньше

<sup>3</sup> Цитата из Библии (Исход, глава III, ст. 8)

разгорячается на солнце, что несколько дороже чугуна, но по-здешнему удобнее". Но вот что они еще придумали: на дальнейшее расстояние кругом хрустального дворца идут ряды тонких, чрезвычайно высоких столбов, и на них, высоко над дворцом, над всем дворцом и на, полверсты вокруг него растянут белый полог. "Он постоянно обрызгивается водою, - говорит старшая сестра: - видишь, из каждой колонны подымается выше полога маленький фонтан, разлетающийся дождем вокруг, поэтому жить здесь прохладно; ты видишь, они изменяют температуру, как хотят". - "А кому нравится зной и яркое здешнее солнце?" - "Ты видишь, вдали есть павильоны и шатры. Каждый может жить, как ему угодно; я к тому веду, я все для этого только и работаю". - "Значит, остались и города для тех, кому нравится в городах?" - "Не очень много таких людей; городов осталось меньше прежнего, - почти только для того, чтобы быть центрами сношений и перевозки товаров, у лучших гаваней, в других центрах сообщений, но эти города больше и великолепнее прежних; все туда ездят на несколько дней для разнообразия; большая часть их жителей беспрестанно сменяется, бывает там для труда, на недолгое время". - "Но кто хочет постоянно жить в них?" - "Живут, как вы живете в своих Петербургах, Парижах, Лондонах, - кому ж какое дело? кто станет мешать? Каждый живи, как хочешь; только огромное большинство, 99 человек из 100, живут так, как мы с сестрою показываем тебе, потому что это им приятнее и выгоднее. Но иди же во дворец, уж довольно поздний вечер, пора смотреть на них".

- Но нет, прежде я хочу же знать, как это сделалось?" - "Что?" - "То, что бесплодная пустыня обратилась в плодороднейшую землю, где почти все мы проводим две трети нашего года". - "Как это сделалось? да что ж тут мудреного? Ведь это сделалось не в один год, и не в десять лет, я постепенно подвигала дело. С северо-востока, от берегов большой реки, с северо-запада, от побережья большого моря, - у них так много таких сильных машин, - возили глину, она связывала песок, проводили каналы, устраивали орошение, явилась зелень, явилось и больше влаги в воздухе; шли вперед шаг за шагом, по несколько верст, иногда по одной версте в год, как и теперь все идут больше на юг, что ж тут особенного? Они только стали умны, стали обращать на пользу себе громадное количество сил и средств, которые прежде тратили без пользы или и прямо во вред себе. Недаром же я работаю и учу. Трудно было людям только понять, что полезно, они были в твоё время еще такими дикарями, такими грубыми, жестокими, безрассудными, но я учила и учила их; а когда они стали понимать, исполнять было уже не трудно. Я не требую ничего трудного, ты знаешь. Ты кое-что делаешь по-моему, для меня, - разве это дурно?" "Нет". - "Конечно, нет. Вспомни же свою мастерскую, разве у вас было много средств? разве больше, чем у других?" - "Нет, какие ж у нас были средства?" - "А ведь твои швеи имеют в десять раз больше удобств, в двадцать раз больше радостей жизни, во сто раз меньше испытывают неприятного, чем другие, с такими же средствами, какие были у вас. Ты сама доказала, что и в твоё время люди могут жить очень привольно. Нужно только быть рассудительными, уметь хорошо устроиться, узнать, как выгоднее употреблять средства". - "Так, так; я это знаю". - "Иди же еще посмотреть немножко, как живут люди через несколько времени после того, как стали понимать то, что давно понимала ты".

Они входят в дом. Опять такой же громаднейший, великолепный зал. Вечер в полном своем просторе и веселье, прошло уж три часа после заката солнца: самая пора веселья. Как ярко освещен зал, чем же? - нигде не видно ни канделябров, ни люстр; ах, вот что! - в куполе зала большая площадка из матового стекла, через нее льется свет, - конечно, такой

он и должен быть: совершенно, как солнечный, белый, яркий и мягкий, - ну, да, это электрическое освещение. В зале около тысячи человек народа, но в ней могло бы свободно быть втрое больше. "И бывает, когда приезжают гости, - говорит светлая красавица, - бывает и больше". - "Так что ж это? разве не бал? Это разве простой будничным вечер?" - "Конечно". - "А по-нынешнему, это был бы придворный бал, как роскошна одежда женщин, да, другие времена, это видно и по покрою платья. Есть несколько дам и в нашем платье, но видно, что они оделись так для разнообразия, для шутки; да, они дурачатся, шутят над своим костюмом; на других другие, самые разнообразные костюмы разных восточных и южных покровов, все они грациознее нашего; но преобладает костюм, похожий на тот, какой носили гречанки в изящнейшее время Афин - очень легкий и свободный, и на мужчинах тоже широкое, длинное платье без талии, что-то вроде мантий, иматиев; видно, что это обыкновенный домашний костюм их, как это платье скромно и прекрасно! Как мягко и изящно обрисовывает оно формы, как возвышает оно грациозность движений! И какой оркестр, более ста артистов и артисток, но особенно, какой хор!" - "Да, у вас в целой Европе не было десяти таких голосов, каких ты в одном этом зале найдешь целую сотню, и в каждом другом столько же: образ жизни не тот, очень здоровый и вместе изящный, потому и грудь лучше, и голос лучше", - говорит светлая царица. Но люди в оркестре и в хоре беспрестанно меняются: одни уходят, другие становятся на их место, - они уходят танцовать, они приходят из танцующих.

У них вечер, будничным, обыкновенным вечер, они каждый вечер так веселятся и танцуют; но когда же я видела такую энергию веселья? но как и не иметь их веселью энергии, неизвестной нам? - Они поутру наработались. Кто не наработался вдоволь, тот не приготовил нерв, чтобы чувствовать полноту веселья. И теперь веселье простых людей, когда им удастся веселиться, более радостно, живо и свежо, чем наше; но у наших простых людей скудны средства для веселья, а здесь средства богаче, нежели у нас; и веселье наших простых людей смущается воспоминанием неудобств и лишений, бед и страданий, смущается предчувствием того же впереди, - это мимолетный час забытья нужды и горя - а разве нужда и горе могут быть забыты вполне? разве песок пустыни не заносит? разве миазмы болота не заражают и небольшого клочка хорошей земли с хорошим воздухом, лежащего между пустынею и болотом? А здесь нет ни воспоминаний, ни опасений нужды или горя; здесь только воспоминания вольного труда в охоту, довольства, добра и наслаждения, здесь и ожидания только все того же впереди. Какое же сравнение! И опять: у наших рабочих людей нервы только крепки, потому способны выдерживать много веселья, но они у них грубы, не восприимчивы. А здесь: нервы и крепки, как у наших рабочих людей, и развиты, впечатлительны, как у нас; приготовленность к веселью, здоровая, сильная жажда его, какой нет у нас, какая дается только могучим здоровьем и физическим трудом, в этих людях соединяется со всею тонкостью ощущений, какая есть в нас; они имеют все наше нравственное развитие вместе с физическим развитием крепких наших рабочих людей: понятно, что их веселье, что их наслаждение, их страсть - все живее и сильнее, шире и сладостнее, чем у нас. Счастливые люди!

Нет, теперь еще не знают, что такое настоящее веселье, потому что еще нет такой жизни, какая нужна для него, и нет таких людей. Только такие люди могут вполне веселиться и знать весь восторг наслаждения! Как они цветут здоровьем и силою, как стройны и грациозны они, как энергичны и выразительны их черты! Все они - счастливые красавцы и красавицы, ведущие вольную жизнь труда и наслаждения, - счастливыцы, счастливыцы!

Шумно веселится в громадном зале половина их, а где ж другая половина? "Где другие? - говорит светлая царица, - они везде; многие в театре, одни актерами, другие музыкантами, третьи зрителями, как нравится кому; иные рассеялись по аудиториям, музеям, сидят в библиотеке; иные в аллеях сада, иные в своих комнатах или чтобы

отдохнуть наедине, или с своими детьми, но больше, больше всего - это моя тайна. Ты видела в зале, как горят щеки, как блистают глаза; ты видела, они уходили, они приходили; они уходили - это я увлекала их, здесь комната каждого и каждой - мой приют, в них мои тайны ненарушимы, занавесы дверей, роскошные ковры, поглощающие звук, там тишина, там тайна; они возвращались - это я возвращала их из царства моих тайн на легкое веселье. Здесь царствую я".

"Я царствую здесь. Здесь все для меня! Труд - заготовление свежести чувств и сил для меня, веселье - приготовление ко мне, отдых после меня. Здесь я - цель жизни, здесь я - вся жизнь".

## 11

"В моей сестре, царице, высшее счастье жизни, - говорит старшая сестра, - но ты видишь, здесь всякое счастье, какое кому надобно. Здесь все живут, как лучше кому жить, здесь всем и каждому - полная воля, вольная воля".

"То, что мы показали тебе, несомненно будет в полном своем развитии, какое видела теперь ты. Сменится много поколений прежде, чем вполне осуществится то, что ты предощущаешь. Нет, не много поколений: моя работа идет теперь быстро, все быстрее с каждым годом, но все-таки ты еще не войдешь в это полное царство моей сестры; по крайней мере, ты видела его, ты знаешь будущее. Оно светло, оно прекрасно. Говори же всем: вот что в будущем, будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего. Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, что можете перенести".